

В. С. Виссарионов Б. А.
5. А зори здесь тихие...

6. Магнитогорск — Магнитогорский драматический театр им. А. С. Пушкина

7. режиссер: Гальперина Т. А.
художник: Кузьмин В.

МАГНИТОГОРСКИЙ РАБОЧИЙ
МАГНИТОГОРСКИЙ

ИИ РАБОЧИЙ

ТЕАТР

Магнитогорский рабочий.

1972. — 26 февр.

Их было шестеро...

Когда отзвучат заключительные такты «Священной войны», когда в последний раз опустится прозрачный супер-занавес, молчаливые и возмущенные мы выйдем из зрительного зала.

А потом начинаем восстанавливать в памяти все с самого начала и с удивлением вспоминаем, что во время первого акта иногда ловили себя на мысли: «Ну, когда же он кончится, когда антракт...» (Сейчас, после всего спектакля, такая мысль уже кажется вкраиваемой. Но ведь она была...)

И была, видимо, не без причины.

Этот, например, артист В. Яныков глубоко трогает нас во втором акте своим Федотом Васковым, создавая характер чрезвычайно цельный. Он умеет так произносить самые важные слова, что они образуют еще бо́льшую наполненность, он не боится делать Васкова растерянным и усталым до предела и, казалось бы, совершенно не героичным. Но мы верим в этого человека, и слезы, выходящие в его голосе, не заставляют нас заподозрить старину в слабости — мы разделяем и понимаем его боль и его ярость.

И этот же актер в первом акте выглядит намного бледнее и невыразительнее.

Чем же это объясняется? Просчетами инсценировки? Возможно. Тем более, что никакая, даже самая хорошая инсценировка, по одному из повестей Игоря «А зори здесь тихие» и постановки Магнитогорского драмтеатра им. А. С. Пушкина этот спектакль

так. Поэтому кое-что уходит: юмор, легкая, неуловимая грусть, философский смысл неужелих по стилю расуждений Федота Васкова.

Главный недостаток и ошибка, думаем, стало то, что в первом акте на сцене как будто ничего не происходит — никакого действия, никаких конфликтов (пожалуй, до того времени, пока отряд не уходит в лес).

Но на самом деле это не так. Ведь главное даже и не в том, что шестеро советских бойцов, чтобы выдержать фашистов, играют в прятки со смертью, как в какой-то кошмарной охоте, где не знаешь, кто на кого охотится, и гибнут один за другим. Главное в том, что они за люди — эти «пятнадцать делушек» и примитивный на первый взгляд старшина Федот Васков. Главное в душевном мире каждого из них, в том, какую неожиданную глубину, какую бездну человеческой доброты, мудрости и понимания обнаруживает вдруг Федот Васков и как постепенно рушится стена между ним и его неслучайными подчиненными.

И тем трагичней их гибель: все поняв, сроднившись так, как это возможно только перед лицом смерти, пережив великую радость открытия Человека, она за другой уходит в душевную бойню, оставаясь и душе Васкова ощущение невосполнимости каждой утраты.

Но «стенки» в спектакле нет. Потому и не получили историю отношений между Васковым и девушками-зенитчицами, потому и статичен и малоинтересен первый акт. Мы не чувствуем сидения в девятых веселых

бесенят, готовых каждую минуту прорваться какой-нибудь самой невероятной «штатской» выходкой. Мы не ощущаем той сцепки, того озорного женского союза, который несласно заключают все женщины против мужчин, представляющего удобную мишень для их бойких язычков. А Васков именно таким и кажется поначалу «вредному» отряду. И он прекрасно понимает это, потому и побивается в душе своих «бойцов», потому и в глаза им глядеть не решается, в цепляется каждый раз, как за спасительную соломинку, за бумку Устава.

Этого конфликта в спектакле не получилось. Более того, каждая из актрис почему-то с самого начала несет на себе печать обреченности своих героинь. Трагическая нота, заданная режиссером, и делает невеселым ритм, мешая по-настоящему раскрыться характерам.

Такова, например, Рита Ослянина в исполнении С. Ульябиной.

Ослянина не намного старше своих подруг. Но она взрослее их — у нее больше муж, у нее единственная есть ребенок, трехлетний сын. Взяв на вооружение слова автора о том, что Ослянина научилась «ненавидеть тихо и беспощадно», актриса играет только эту ненависть, эту одержимость. От одностороннего решения образа возникают декламация и поза, а отсюда неверная оценка многих событий, поскольку все внутреннее внимание актрисы устремлено на то, чтобы сохранить неутомимый, фантастический боевой и героический гонимый поворот головы. Между тем, когда она забывает о своей «сверхзадаче», не

ред нами возникает вдруг живой, конкретный образ, но... его очень быстро и старательно «закапывают в брону» непреклонной волею героини. Другая исполнительница этой роли — Е. Неликина — вышла гораздо более: интересное, решительное. Не лишая свою Ослянину строгости, а даже суровости, она сумела приоткрыть нам тот уголок ее сердца, где есть и бытие и женская доброта, и обаяние, и участие к людям. Негражданская вальсиря, а женщина, только слишком много потерявшая свои двадцать с небольшим лет и от этого ставшая старее — такая Рита близка и понятна нам.

Один из наиболее ярких образов в повести и инсценировке — Женя Комелькова, озорная, огненная, полная победительной женской силы и привлекательности, некогда не утешавшаяся Женя. К сожалению, в спектакле ей не очень повезло.

Эту роль играют две исполнительницы — Э. Кремль и В. Пугачева. Последняя, как нам кажется, стоит на более верном пути: в ней есть огонь и дух, она очень верно проводит многие сцены, в том числе и ту, где Женя на устывшем «загорать» на глазах у наблюдающих с другого берега режиссера, актриса более проста и естественна.

Но и та и другая обыгрывают, в основном, одно — тот факт, что в прошлом Женя есть «незаконная связь» с молодым полковником Луиным, за которую ее, собственно, и повесили в Кресты. Э. Кремль на минуту не забывает, что ее героиня красива, и

постоянно демонстрирует ее неотразимость, сделав это чуть ли не главным и растеряв прелесть Женской натуры, столь щедрой одаренной природой.

Верные, разнообразные краски вышла для Галины Четвертак актриса Н. Русланова. Воспитанница детского дома, существо нервное и эмоциональное, настроенное романтически, она живет в своем, придуманном мире (даже маму себе выдумала — медпунктового работница) и приходит в ужас, когда все ее фантазии вдребезги разбиваются о суровую и непривлекательную действительность.

Роль чрезвычайно трудная, в ней много слез, много напряженных моментов. Актриса ни разу не нарушает чувства меры, ни разу не впадает в сентиментальность. Она заставляет нас понять и не осуждать свою героиню, как не осуждает ее Федот Васков. И, пожалуй, через нее мы наиб

лес остро чувствуем всю проклятую нелепость того, что такая вот девчушка должна идти убивать и быть убитой, и нас поднимается горечь и ненависть против тех, кто навязал человечеству эту войну.

Очень выразительна Г. Русланова в роли Лилии Бринчиной. Она такая русская, деревенская, домашняя, так открыто идущая навстречу долгожданному счастью, которое внезапно и беспощадно оборывает смерть.

Соне Гурант в исполнении Э. Рюминой не хватает, пожалуй, девичьей одухотворенности. Временами она чересчур «взрослая», приближалась к чему-то и Ослянина. Но в сцене небольшого монолога актриса подкупает искренностью и мягкой сдержанностью.

...Материал повести, инсценировки не мог не утратить актеров, режиссера Т. Гальперину, заслужен

ного художника РСФСР В. Игумянина, создавшего прекрасное по образной силе, лаконичное оформление. Эта увлеченность, это волнение передается и зрителям, и мы в конце киноповествования «грехи» первого акта (что, однако, не оставляет им права на судачествование).

Однако хочется сказать и о несправедливой, на мой взгляд, режиссерской ошибке. Неприемлемой, потому что она идет вразрез с психологическим характером и линией поведения персонажа.

Я имею в виду смерть Гали Четвертак. В повести и инсценировке неприемлемые до предела нервы девушки, перепуганной смертью подруги и только что прошедшим коротким боем, не выдерживают таинности ожидания. Она знает, что немцы рядом, что вот-вот загворит автомат. И Четвертак с криком бросается в эту, ставшую неминуемой, лип

ну, вызванная автоматом очередь и разрушая все планы Васкова. Гибель нелепая, но психологически оправданная.

В спектакле же режиссер заставляет Четвертак идти трудной на выстрелы с гордо поднятой головой, создавая видимость героини. Правда образа нарушается.

Но, несмотря на все просчеты, «А зори здесь тихие» безусловно волнует, не оставляет равнодушным — значит, уже театром достигнута много. Что не касается нереческих издержек, так ведь работа на спектакле никогда не контактирует с реальными — она, по существу, начинается с этого дня, только уже в новом качестве.

И. КРУЧИНИНА.

На снимке: сцена из спектакля «А зори здесь тихие».

Фото В. Очипникова.

